1 ЛИНИЯ

В ПЕЧАТЬ!

УЧЕБНАЯ ГАЗЕТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТИКИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ СПбГУ
59-Й ГОД ИЗДАНИЯ

1-LINE.SPBU.RU
№12 (406)
ОТ 10 ИЮНЯ 2019 ГОДА

В соцсоревнованиях студенты 5-й группы заняли первое место в университете, были награждены поездкой в Москву, во время которой побывали и в МГУ

«Ну что, братья, соберёмся?»

Они поступили на факультет журналистики Ленинградского университета 50 лет назад – это было в 1969-м. 45 лет назад им были вручены дипломы. В июне 2019 года они соберутся на традиционную встречу. Участница этой встречи заведующая кафедрой истории журналистики, почётный профессор СПбГУ Людмила Петровна Громова вспоминает своих сокурсников и преподавателей.

Людмила ГРОМОВА

Начало

В седьмом классе я, школьница из Братска, побывала в знаменитом Всероссийском пионерском лагере «Орлёнок» и там подружилась с ленинградцами, которые мне показались особенными. Началась переписка. Они «заразились» моей романтикой и захотели приехать в Сибирь, а я решила непременно побывать в Ленинграде. На городском конкурсе школьных сочинений мой очерк получил первое место, и меня пригласили сотрудничать в городскую газету «Гидростроитель». Работа увлекла и определила мой выбор: журфак ЛГУ. Правда, туда брали, в основном, тех, кто уже поработал в прессе, имел трудовой стаж или прошёл армию. В тот год на первый курс принимали только восемь школьников, и конкурс для нас был огромный – 20 человек на место. Нужно было сдать четыре экзамена на «отлично» и представить профессиональное досье. К счастью, у меня было много публикаций.

Во время вступительных испытаний я чуть было не заблудилась в лабиринтах филфака. А на экзамен по истории опоздала: комиссия уже собиралась уходить, когда я влетела в аудиторию и в отчаянии упросила принять и меня. Спустя несколько лет, когда я уже была аспиранткой, в коридоре исторического факультета меня окликнула пожилая женщина: «Люда? Вы из Братска? А я у вас принимала вступительный по истории». Я опешила: «Неужели вы помните?!». «Вы такую вдохновенную песню пропели про строительство Братской, Саяно-Шушенской и Красноярской ГЭС – с цифрами и фактами – такое не забывается...».

Студенческая пора

Итак, мы – студенты! Но прежде чем зайти в аудитории, мы отправились на поля Ленинградской области копать картошку. На следующий год летом добровольцами поехали в стройотряд, после стройотряда – на практику. Наша 5-я группа считалась самой дружной на курсе. Безусловным лидером был Анатолий Яковлев, который был старше нас, обладал сильным характером и многими талантами: был прекрасным резчиком по дереву, писал песни, пел, играл на гитаре. Как-то в соцсоревнованиях мы заняли первое место в университете, и были награждены поездкой в Москву, во время которой побывали и в МГУ. Вообще наша студенческая жизнь была очень насыщенной: мы бывали практически на всех премьерах в театрах и кино, ездили в экспедиции, проходили практику по всей стране: от Калининграда до Магадана. Помню, после 3 курса большая часть нашей группы поехала, например, в город Кызыл в республиканскую газету «Тувинская правда», где мы познакомились с прекрасными людьми и красивейшими местами, сделали для себя много интересных открытий.

Замечательные педагоги

Мы учились у поколения, прошедшего войну. Это была особая порода людей: Александр Феодосеевич Бережной, Николай Петрович Емельянов, Тереза Ивановна Ворошилова, Валентин Александрович Алексеев, Пётр Самуилович Карасёв, Валентина Григорьевна Березина... Многие из них воевали, кто-то пережил блокаду в Ленинграде. Они редко и неохотно говорили об этом. Но от них исходила какая-то особая мудрость и доброта. Они были чрезвычайно демократичны в общении, с ними всегда можно было поспорить. А ещё на курсах и в группах были кураторы, которые не только помогали нам в учёбе, но и навещали нас в общежитии, участвовали во многих наших делах. Мы сохраняли с ними дружбу долгие годы после окончания Университета. Впоследствии, когда я пришла работать на факультет, была рада снова встретить там своих кураторов – Валентина Павловича Таловова и Ирину Павловну Лысакову.

Практика

Раньше действовала целая система практик. На первом курсе на неделю нас освобождали от занятий, мы выпускали многотиражную газету. Например, наша группа работала в многотиражке завода имени Козицкого. После первого курса на месяц отправлялись в районную печать. И на следующих курсах – в городские, областные, центральные издания. Я в студенческие годы проходила практику в «Новгородском комсомольце», «Тувинской правде», «Калининградском комсомольце». Это было серьёзное погружение в профессиональную жизнь. Тогда журналистика действительно решала многие проблемы. После критической публикации непременно должно было быть принято решение – и власти отчитывались. Ту журналистику действительно можно было считать четвёртой властью.

Осенью на занятиях проходили публичные обсуждения результатов практик. Это была хорошая школа профессионального обучения.

Продолжение на 2-й странице

«Ну что, братья, соберёмся?»

Продолжение. Начало на 1-й странице

«Родина»

Потом было распределение. На пятом курсе я вышла замуж. За нашего студента, который был тогда на третьем курсе. Он до поступления на журфак уже успел отслужить на флоте. Далеко уезжать не хотелось, а меня как раз пригласил на работу редактор газеты «Родина» в городе Чудово – Степан Николаевич Перчаткин. Мне дали жильё, 200 рублей подъёмных (которых, кстати, хватило на покупку необходимой мебели в квартиру). Поселили в двухкомнатной квартире, моей соседкой была выпускница медицинского института. То есть, началась моя карьера в Новгородской области совсем неплохо. Получала оклад 150 рублей и рублей 30 гонорара – вполне солидно для молодого специалиста. Три года я отработала заведующей отделом культуры, писем и быта.

Но потом жизнь круто изменилась. Я вернулась в Ленинград и, конечно, зашла на факультет, где и встретила нашего замдекана Хазби Сергеевича Булацева, он и предложил мне поработать на кафедре истории журналистики, которая тогда называлась кафедрой истории русской и зарубежной печати. Я не стала долго раздумывать.

Так определилось моё будущее. Через год я поступила в аспирантуру. И вся последующая жизнь была уже связана с Университетом...

Сокурсники

Мы всюду были вместе: в кино, в театрах, в поездках. Особенно тесно общались те, кто жил в общежитии. Учились ребята из разных республик СССР, устраивали вечера культуры, знакомили с национальной кухней... Жили небогато, но весело и дружно. Кто-то из наших подрабатывал дворником в Мариинском (тогда Кировском) или других театрах – и у нас часто бывали контрамарки и билеты на галёрку. Не случалось премьер, которые бы прошли мимо нас. Стипендия была 45 рублей, но нам хватало даже на то, чтобы изредка на выходные съездить в Прибалтику. Поезд стоил три с полтиной в одну сторону. Хотя денег всегда не хватало. И мы подрабатывали дворниками, гардеробщиками. Иногда кому-то удавалось сняться в массовке. Так, Гена Викторов гордился своей маленькой ролью в фильме «Следователь», где он проходит рядом с Вахтангом Кикабидзе по университетскому коридору здания Двенадцати коллегий. На старшем курсе я тоже работала в нашем гардеробе. Это было очень популярное место, вроде клуба, где устраивались даже факультетские шахматные турниры.

Разлетелись, чтобы встретиться

На работу мы уезжали по распределению. В Ставрополь отправились и до сих пор там живут Тамара Зайченко и Ира Дворникова. Галина Шамыкаева последние годы работала в вузовской прессе, Нина Федорова (Куртова) много лет возглавляла тосненскую районную газету.

Коля Старченко сейчас издаёт в Москве детский журнал «Муравейник», он – член Союза писателей, кандидат искусствоведения, пишет книги. Недавно подарил нашей библиотеке двухтомник своих произведений.

Василий Иванов возглавлял газету «Знамя труда» в городе Сланцы, позже был избран председателем областного Законодательного собрания, потом работал вице-губернатором Ленинградской области.

Геннадий Викторов был распределён на телевидение в Калининград. Акжибек Бураева вернулась в Казахстан, Наташа Лутерова – в Словакию, Низар эль Дарауша – в Сирию... Всех и не перечислить. Ясно одно – мои однокурсники стали хорошими профессионалами и сохранили верность профессии.

Со многими связи, к сожалению, прервались. Не все приезжают на встречи, инициатором и бессменным организатором которых остаётся Николай Подшивалов – настоящий хранитель памяти курса. Он, как и большинство на нашем курсе, всю жизнь – в профессии. Именно он всегда проводит перекличку, пишет письма: «Ну что, братья, соберёмся? Пять лет прошло...». Так мы и собираемся каждую пятилетку. Чтобы пройти по главному коридору Двенадцати коллегий, побывать в нашем старом здании во дворе Университета, потом прийти на 1-ю линию, и в стенах дома новых поколений журналистов поговорить о жизни, о профессии.

Полезный «каменный век»

Сергей КОРКОНОСЕНКО

В июне 1974 года диплом о высшем образовании получил ещё один будущий профессор – заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ Сергей Григорьевич Корконосенко. Накануне встречи выпускников мы узнали у него, почему они до сих пор собираются и чем ему запомнились студенческие годы.

Врата открыты

С нами учились ребята, которые уже успели поработать в редакциях. Мы на них смотрели кто с уважением, кто с завистью (потом, конечно, отношения выравнивались). Не преподаватели, а сокурсники рассказывали, как устроена газетная жизнь. Но даже они ещё не очень отчётливо представляли себе сущность и назначение журналистики. Понимание приходило по мере обучения. Мы это ощущали, и отсюда – готовность воспринимать то, что предлагает университет. Такой порядок вещей: студенты идут навстречу тому, чему их должны обучить. Пожалуйста, врата открыты: ты вошёл, ты здесь живи, понимай, увлекайся.

Мои сокурсники жадно глотали то, что давал им вуз. Кто-то с наивным воодушевлением, кто-то по-взрослому рационально, но, в большинстве своём, ясно понимая, что университет – это дарованное судьбой благо. И друг в друге мы особенно высоко ценили профессиональные способности и достижения. Если девушка красивая, на неё нельзя не обратить внимания, но если она ещё печатает в газете «Смена» портретные очерки, то её привлекательность возрастает вдвойне. Мне сегодня не хватает обострённого интереса студентов к себе в профессиональном измерении.

На журфаке формировалось отношение к профессии как к работе в общественной среде, вместе с общественностью, для достижения полезного результата. Тем более что усилиями преподавателей была поставлена, как я сейчас понимаю, едва ли не идеальная производственная практика.

Мой лесник

Практика в обязательном порядке проходила в настоящих изданиях. Они могли быть сильнее или слабее, но всегда – реально функционирующие редакции.

Я осваивал азы в «Лужской правде». Получил задание ко Дню лесника сделать такие фотографии, чтобы «наша полиграфия выдержала». У редакции не было цинкографии, клише нарезали вручную, тонопередачу обеспечить невозможно. Снимки печатались такие: на белом лице чёрные глаза. «Каменный век». Мой лесник тоже стоял в ку-клукс-клановской маске на фоне тёмного леса, который в свою очередь вырисовывался на фоне светлого неба. Иначе снимок не пошёл бы в печать. Правила редакции закреплялись в сознании как реально существующие, а не как материалы лекций. Тем более лекции, как правило, практике не противоречили.

Мы прилетали с практики на крыльях: «Я видел», «У меня получилось», «А я полосу сверстал», «Сколько линеек полужирных поставил?»...

Настоящая заграница

На старших курсах, если повезёт, можно было попасть на международную профессиональную практику в странах социалистического содружества, в Чехословакии и ГДР. В 1973 мы отправились на три недели посмотреть настоящую заграницу, не в Эстонию.

Там мы застали бытовое благоденствие и широчайшее предложение дефицитных для нас товаров ширпотреба. В первом же городе я увидел в свободной продаже паласы. Приобрёл экземпляр рыжего цвета и потом возил огромную скатку по всем городам, где тоже продавались паласы. И мальчики, и девочки оделись в джинсы – гэдээровские, первые в жизни.

Заграница открывала нам новый мир, в том числе в профессиональном плане. В ГДР многое позволялось из того, что в СССР не приветствовалось. Я спрашивал редактора центральной молодёжной газеты “Junge Welt”: как же так, рядом с нами идёт в филармонию парень, а у него одна прядь волос фиолетовая, а другая сиреневая? Редактор отвечал: «Главное – что в голове». Это была непривычная нам свобода. А с другой стороны, мы видели более жёсткую, чем у нас, пропаганду и идеологическое воспитание. Ведь рядом ФРГ и Западный Берлин. Всё регламентировалось: как сказать, как думать, как писать... За исключением причёсок и рискованных фотографий девушек в витринах.

Для расширения кругозора, для подвижности ценностного сознания такие поездки были щедрым подарком.

К цинизму нас не призывали

Я не помню, чтобы возникали противоречия между тем, чему учили, и практикой. Не помню, чтобы преподаватели сказали: вы будете работать на производстве, где не существует морали, принципов. К цинизму нас никогда не призывали. Были преподаватели яркие, были скучные, как и сегодня. Но никто не говорил – пойдёшь в редакцию и продашься с потрохами.

Основатели нашего факультета лепили его с невероятным энтузиазмом и преданностью этой идее – построить журналистское образование в стране. Не было такого деления: я профессор до 15 часов, а после 15 занимаюсь аграрным промыслом на даче.

Как в Гарварде

Мы до сих пор приходим на встречи выпускников, потому что студенческие годы – это золотой фонд каждого из нас. Дружеские отношения с сокурсниками, в прагматическом смысле, это тот ресурс, из которого ты черпаешь всю жизнь. Редко к кому ты можешь обратиться за помощью, как, допустим, к Варе, с которой на первом курсе сидел за одной партой, или к Лёшке, с которым выпускал стенгазету. Этот принцип – поддержка однокашников – действует во всём мире. Если содружество не складывается – то считайте студенчество потерянным временем. Американский истеблишмент вышел из Гарварда. Это мафия почище сицилийской.

Мы встречаемся сейчас, потому что привыкли собираться, когда учились. И ещё потому, что никто не имеет привычки жаловаться на жизнь – вот, мол, она серой тропкой тянулась и серой ямкой закончилась. Другие мы люди. Жизнь была интересной в молодости, такой и остаётся. Мы уходим с этих встреч с чистыми душами и с чистыми кошельками.

● Клятва журналиста на Марсовом поле